

Спіс выкарыстанай літаратуры

- 1 Дельвиг, А. Статьи / А. Дельвиг. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 87 с.
- 2 Міцкевіч, А. Выбраныя творы / А. Міцкевіч; уклад., прадм. і камент. К. Цвіркі. – Мінск : “Беларус. кнігазбор”, 2003. – 640 с.
- 3 Пачынальнікі : з гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 549 с.
- 4 Пушкин, А. Критика и публицистика / А. Пушкин. – М. : Директ-Медиа, 2015. – 477 с.
- 5 Хаўстовіч, М. Айчына здалёку і зблізку : Ігнацы Яцкоўскі і Аляксандар Рыпінскі / М. Хаўстовіч. – Мінск, 2006. – 279 с.

The article analyzes the author's strategies of the Belarusian writers of the 19th century in the Polish-language cultural space. Examples of participation of authors from Belarus in the competition in the Russian-language literary field are also considered.

УДК 808.26

Н. И. ЛАПИЦКАЯ

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗАГОВОРНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается необходимость изучения восточнославянских заговоров и отдельных групп слов в названных текстах. По глубине архаики тексты заговоров не имеют себе равных в восточнославянском фольклоре. Исследуя те или иные языковые особенности данного жанра фольклора с точки зрения лингвистики, мы знакомимся с представлениями, верованиями восточных славян, постигаем их менталитет.

Язык выступает в качестве важнейшего элемента познания. Значимыми в этом отношении являются следующие высказывания Ф. И. Буслаева: «Сколько бы народ ни отклонился от своего первобытного состояния: пока он не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков», «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался: и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная надолго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу» [1, с. 87–88].

Заговоры – своеобразный архаичный фольклорный жанр. Функции заговоров чисто прагматические: они проговаривались с целью достичь определённого результата (вылечить больного, вызвать дождь и т. д.). Эти слова воспринимались как вещи, пророческие, имеющие таинственную силу.

Е. Ф. Карский писал: «... Заговор есть выраженное словами пожелание, часто соединенное с известным обрядом или действием, пожелание, которое непременно должно исполниться» [2, с. 60]. А. Н. Афанасьев подчеркивал, что «могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах...» [3, с. 14].

Психологическую основу этого «вида русской народной поэзии» рассматривал Н. Крушевский, который отмечал, что «предметы неодушевленные и даже известные изменения в предметах (например, различные болезни) кажутся народу живыми и разумными существами; потому упоминание их названий может вызвать их самих» [4, с. 17].

Новый период в изучении заговорных текстов начался в 70-е-80-е годы XX столетия, после окончательного выделения этнолингвистики в самостоятельный раздел языкознания. В связи с этим Т. Б. Лукинова отмечает: «Дальнейшее успешное развитие сравнительно-исторической лексикологии все настоятельнее требует привлечения экстралингвистических фактов. При этом чем древнее изучаемые пласты лексики, тем более возрастает значение данного требования. Особенно важны свидетельства смежных гуманитарных наук, и в первую очередь этнографии, для тех лексических групп, у которых можно предполагать связь с широким комплексом древних верований и представлений об окружающем мире, обусловленными ими обрядами, все вместе относимые к тому, что обозначается термином славянское язычество» [5, с. 119].

Достаточно большое количество работ посвящено рассмотрению особенностей, специфики жанра заговоров. Это труды В. Н. Топорова, А. Л. Топоркова, Т. А. Агапкиной, А. М. Астаховой и др. В белорусской лингвистике следует назвать исследования Г. А. Барташевич и Т. М. Судник. В связи с разработкой вопросов этнофразеологии заговоры рассматриваются В. И. Ковалем. В исследованиях данной направленности отмечается важность обращения к заговорам. Так, Г. А. Барташевич подчеркивает, что заговоры «...здаўна прыцягвалі ўвагу вучоных розных школ і напрамкаў, якіх цікавілі вытокі мастацтва, светапоглядная аснова розных яго відаў, генезіс мастацкіх вобразаў» [6, с. 6]. На необходимость изучения заговоров указывают Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков: «Изучение заговоров становится в последние годы одним из плодотворных направлений этнолингвистики. Это обусловлено как их хорошей сохранностью, так и особенностями формы, прагматики и семантики. Насыщенность заговорной топики и сюжетики мифологическими мотивами делает заговоры ценным источником для реконструкции древней славянской культуры – как системы представлений, так и конкретных текстов» [7, с. 67].

Восточнославянские заговоры, безусловно, являются источником этнолингвистических исследований. Следует отметить, что изучение языковой архаики заговорных текстов может вестись в нескольких направлениях:

1 Присущая заговорам архаика формы проявляется в специфических чертах разных структурных элементов их языка. Так, особого внимания заслуживает изучение разных групп лексики в текстах заговоров. Широко представлены в заговорных текстах устаревшие слова. Например, наименования болезней в заговорах русских, украинцев и белорусов представлены собственно лексическими архаизмами: русск. *призор*, *падвей*, укр. *підвій*, *призор*, бел. *пудвей*, *прызор* и др.

Достаточно большой пласт в текстах заговоров составляет церковнославянская лексика: русск. *три врана*, *крест золотой*, *сухие древа*, *стану аз*, *раб Божий* и др.

2 Отдельного изучения в текстах заговоров требуют собственные имена, так как по мнению многих исследователей «называние имен в заговоре само по себе есть живейшая и наиболее остроинтенсивная часть заговора, его идеальное ядро, обладающее максимумом творческих потенций, т. е. то заклинание, слово-дело, которое выступает как квинтэссенция всего заговора» [8, с. 100].

ИС гораздо более чем другие языковые знаки, будучи универсалиями языка и культуры, выполняют функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа. Они являются сложными языковыми знаками. Эта мысль относится, в частности, и к ИС, функционирующим в мифологических текстах – заговорах.

Имя собственное в русских, белорусских и украинских заговорах является одним из ключевых элементов заговорных текстов, вокруг которых может формироваться весь заговор. Мифологический текст может быть организован на основании формально выраженного или скрытого приема этимологической магии.

Имена собственные русских, белорусских и украинских заговоров объединяются в несколько замкнутых кругов, которые ориентированы на различные объекты:

1) первый круг составляют имена собственные, называющие святых мучеников и апокрифические имена (рус. *Илья-пророк*, *Иоанн Креститель*, *Соломония*, бел. *Кузьма-Дзям'ян*, *Георгі Пабеданосец* и др.);

2) второй наиболее многочисленный и цельный круг имен составляют наименования лихорадок, включающие трансонимизированные (бел. *Яўгешка, Фяклушка, Кацька* и др.) и переходные отапеллятивные имена (рус. *Ногия, Тенная, Ревота* и др.);

3) наименования змей в заговорах имеют трансонимизированный и нетрансонимизированный характер (бел. *Дамаха, Паляха, Ева, Сохва* и др.);

4) к мифолокативам относятся имена, называющие географические объекты и составляющие четвертый круг заговорных ИС (рус. *Океан, Буян, Иордан*, бел. *Кіян, Сіян, Ярдань* и др.).

3 Своеобразием отличается употребление в заговорах нумеративов. Они используются здесь не только с целью определения количества предметов, а отражают древнейшие представления восточных славян о магии чисел: русск. «...выйду я, раб Божий, на *три розтани* и помолюся я *трём братьям-ветрам...*», бел. «... у том гнязде ляжаць *тры вужы, тры цары...*», укр. «ішло *три калікі* через *три ріки...*».

4 При всём многообразии заговорных текстов по размеру и строению выделяется несколько композиционных типов заговоров, в каждом из которых использованы свои приёмы и средства. К таким средствам относится наличие так называемых заговорных формул (зачинов, отсылов, пожеланий, закрепков-концовок): русск. «...на *восточной стороне* стоит святая церковь...», бел. «*Госпаду Богу памалюся, Прачыстай мамцы пакланюся...*», русск. «*На море-океане, на быстрой Бояне* – там есть гнездечко...», бел. «*На моры Буяні* там ёсць курган шырокі, высокі...». Из таких заговорных формул, как из кирпичиков, строится «здание» текста.

Таким образом, восточнославянские заговоры, безусловно, являются источником этнолингвистических исследований. По глубине архаики тексты заговоров не имеют себе равных в восточнославянском фольклоре. Исследуя те или иные языковые особенности данного жанра фольклора, мы знакомимся с представлениями, верованиями восточных славян, постигаем их менталитет.

Список использованной литературы

1 Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт словаря по Остромирову евангелию / Ф. И. Буслаев. – М., 1848. – 211 с.

2 Карский, Е. Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Ч. 1: Народная поэзия / Е. Ф. Карский. – М., 1916. – С. 57–89.

3 Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3-х ч. / А. Н. Афанасьев. – Ч. 1. – М., 1865. – 800 с.

4 Крушевский, Н. Заговоры как вид русской народной поэзии / Н. Крушевский. – Варшава, 1876. – 70 с.

5 Лукинова, Т. Б. Лексика славянского язычества / Т. Б. Лукинова // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 119–124.

6 Барташэвіч, Г. А. Магічнае слова: Вопыт даследавання светапогляднай і мастацкай асновы замоў / Г. А. Барташэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 128 с.

7 Агапкина, Т. А. К реконструкции праславянских заговоров / Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: Сб. научн. трудов – Л.: Наука, 1990. – С. 67–75.

8 Топоров, В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 80–103.

The article discusses the need to study East Slavic incantations and individual groups of words in these texts. In terms of the depth of the archaic, the texts of conspiracies are unparalleled in East Slavic folklore. Exploring certain linguistic features of this genre of folklore from the point of view of linguistics, we get acquainted with the ideas, beliefs of the Eastern Slavs, comprehend their mentality.